

Судебно-психологическая экспертиза в системе уголовно-процессуального доказывания

Аннотация: Ряд положений уголовно-процессуального доказывания не соответствует действительности, противоречив по сути и не соотносится с другими утверждениями закона.

Рассматриваются положения, содержащие противоречия, даны предложения по их устранению.

Ключевые слова: судебно-психологическая экспертиза; доказывание; уголовное преследование; доказательство; оценка; внутреннее убеждение.

Согласно ст. 138 УПК, доказывание состоит из собирания, проверки и оценки доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения обвинения [12, с. 161]. В принципе подобная цель доказывания противоречит части 7 ст. 125 Конституции Азербайджанской Республики, где отмечено, что судопроизводство должно обеспечивать установление истины [8, с. 43], однако, если условно считать разрешение обвинения по конкретному делу относительной истиной в параметрах разрешенных задач, то проблему можно считать исчерпанной. Это в том случае, если также условно считать цели сторон судопроизводства идентичными, что, однако, проблемы не разрешает.

Согласно ст. 139 УПК, при производстве по уголовному преследованию только на основе доказательств устанавливаются факт и обстоятельства события преступления; причастность к событию преступления подозреваемого или обвиняемого; предусмотренные уголовным законом признаки преступления в совершенном деянии; виновность лица в совершении деяния, предусмотренного уголовным законом; предусмотренные уголовным законом

♦Исаева Тарана Абдулла кызы – диссертант Института философии, социологии и права НАН Азербайджанской Республики, член МОПИ (Азербайджан). E-mail: mori_sid@yahoo.com

обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, на которых участник уголовного процесса или другое лицо, участвующее в уголовном процессе, основывает свои требования, если иное не предусмотрено УПК [12, с. 161-162].

Акцент на уголовное преследование дает основания предполагать, что при осуществлении других видов процессуальной деятельности, н.п. защиты, обстоятельства, подлежащие доказыванию (предмет защиты) устанавливаются не на основании доказательств, а иным путем. Подобные «несущественные» и «не относящиеся» к предмету исследования ошибки и противоречия, с нашей точки зрения, неподобают основному уголовно-процессуальному закону и должны быть устранены.

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что ряд положений уголовно-процессуального доказывания не соответствует действительности, противоречив по сути и не соотносится с другими утверждениями закона. В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению психологических аспектов доказывания, рассмотрим некоторые его общие процессуальные моменты.

Так, согласно ст. 141 УПК, без использования материалов производства по уголовному преследованию признаются доказанными следующие обстоятельства: общеизвестные факты; правильность общепринятых в современной науке, технике, искусстве и иных сферах методов исследования; обстоятельства, установленные решением, имеющим для суда в преюдициальном порядке обязательную силу.

Без использования материалов производства по уголовному преследованию признаются установленными следующие обстоятельства: знание лицами закона; знание лицами своих служебных обязанностей и правил своей профессии; отсутствие специальной подготовки или образования у лица, не представившего документы, подтверждающие его специальную подготовку, либо образование или не назвавшего учебное заведение, либо другое учреждение, давшего специальную подготовку и образование [12, с. 163].

Большинство перечисленных положений уже получили крайне отрицательную оценку азербайджанских ученых, в связи с чем остановимся только на тех, которые имеют отношение к теме нашего исследования [6, с. 47-49].

Утверждение о непогрешимости методов научных исследований противоречит постулатам науковедения. Жизнь, а вместе с ней и наука развиваются, отменяя устаревшие методы, развивая новые, о чем, к сожалению, общего информационного банка не имеется. Может случиться так, что в одном государстве используются методы научных исследований, которые в другой стране признаны мракобесием. Кроме того, неясно, кто будет выступать арбитром при решении данного вопроса. Суд, прокурор, следователь и другие участники процесса со стороны обвинения или защиты это делать некомпетентны, а мнение специалистов (экспертов) подлежит оценке по внутреннему убеждению, которому очень и очень проблемно сложиться.

Вопросы о знании лицами закона, своих обязанностей и правил своей профессии, с нашей точки зрения, содержат психологические аспекты познания и должны решаться в уголовном судопроизводстве по законам познания.

Уголовное судопроизводство по существу является познавательным процессом, а познание, осуществляемое при нем, облекается в форму доказывания. Процесс накопления определенных фактов, доказывающих либо опровергающих событие преступления либо обстоятельства, связанные с гражданско-правовыми спорами, есть процесс оперирования доказательствами, процесс доказывания.

Как отмечает И.С. Яшин, мыслительная деятельность лиц, представляющих органы, осуществляющие уголовный процесс, подчинена общим закономерностям психических процессов и в этом отношении имеет много общего с мыслительными процессами, осуществляемыми в иных областях знаний и общественной жизни. Вместе с тем мыслительная познавательная деятельность этих лиц обладает спецификой, определяемой

предметом познания, – противоправными действиями и гражданско-правовыми спорами [15, с. 41-42].

В процессе познания, осуществляемом в уголовном судопроизводстве, широко применяются категории диалектики. Являясь ступенями познания, категории анализа и синтеза, причины и следствия, сущности и явления, общего и отдельного, тождества и различия позволяют выяснить объективную истину, которая Конституцией Азербайджанской Республики определена целью судопроизводства [8, с. 43].

Рассматривая различного рода информацию, лица, осуществляющие уголовный процесс, анализирует ее, устанавливает причинное отношение к исследуемым фактам, синтезирует и оценивает полученные результаты, определяя их доказательственное значение. Как отмечает А. Эфрон, строя версии, обнаруживая их подтверждение или опровержение, они используют методы познания, способствующие установлению объективной истины [14, с. 24].

В психологическом отношении мыслительный процесс работника дознания, дознавателя, прокурора, следователя или судьи является процессом решения сложных задач, что связано с применением определенных творческих усилий. Не всегда поставленные задачи могут быть разрешены только на основе имеющихся исходных данных, в связи с чем задействуются предположения, помогающие устранить соответствующие пробелы. По мнению И.С. Щербина, источниками такого воображения выступают прошлый опыт, знания и имеющиеся в распоряжении исследователя данные. Толчком к творческому воображению служат потребности в разрешении поставленной задачи, а опыт человека в этом отношении рассматривается как общественный и личный [13, с. 51-52]. В этой связи С.И. Любимов пишет: «... представив себе характер исследуемой задачи, участник процесса мобилизует запасы знаний, что позволяет ему высказать ряд предположений – версий об обстоятельствах деяния. В дальнейшем решении поставленной задачи значительное место принадлежит моделированию как способу воссоздания тех или иных обстоя-

тельств, содействующих познанию. Роль теоретических моделей в познании чрезвычайно велика – они способствуют не только познанию конкретного, углубленному познанию, но и открытию новых закономерностей и законов» [9, с. 66-67].

Моделирование предполагает создание мысленной или практической структуры, воспроизводящей определенные действия либо обстоятельства, свойства или состояния тех или иных объектов [4, с. 16].

Моделирование в деятельности участника уголовного процесса способствует познанию конкретного, обладает широкими возможностями для изучения свойств и сторон отдельных объектов, во многих случаях позволяет установить конкретные обстоятельства, решить вопрос о существовании того или иного события, факта. Так, совокупность следов на месте происшествия позволяет предположить мысленную модель события, его динамику, число участвовавших в нем лиц. Проведение следственного либо судебного эксперимента дает возможность в процессе его моделирования установить вероятность совершения определенных действий, наступления тех или иных результатов. По утверждению И.Г. Крайнова, деятельность, связанная с моделированием в его любых формах, способствует познанию отдельных обстоятельств и фактов, в конечном счете – установлению объективной истины [5, с. 114].

Модели, используемые в познавательной деятельности, разделяют на два вида: материальные и идеальные. Материальные модели воспроизводят в натуре какие-либо предметы, обстановку, действия, явления. К ним можно отнести такие имеющие значение для судопроизводства предметы, как слепки, оттиски, фотоснимки, макеты и т.п. [2, с. 26].

Идеальные, или мыслительные, модели – образы, имеющие определенный смысл, выраженный в понятиях. По мнению И.М. Газелина, это, прежде всего, любые предположения, версии, мысленное прогнозирование совершаемых для достижения определенной цели действий. Например, предположения о характере события преступления или цели гражданско-правовой сделки,

прогнозирование хода предстоящего допроса, обыска, проверки показаний на месте представляют собой модели различной направленности, обладающие единым содержанием – мысленным воспроизведением прошлого либо будущего в сфере уголовно-процессуальной или гражданско-процессуальной деятельности [3, с. 100].

Модели также принято классифицировать на статические - материальные и динамические - мыслительные. Последние являются подвижными, развивающимися либо утрачивающими свое значение в процессе проверки их познавательных качеств. Материальные модели в большинстве своем предшествуют формированию мыслительной модели, выполняя ряд важных функций, в частности ориентации, сопоставления данных для экспертного исследования [1, с. 61-63].

Как верно указывает В.Е. Коновалова, процесс познания истины в ходе судопроизводства определяется логичностью мышления. Правильное осмысливание наблюдаемых фактов, установление их причинных отношений, построение обоснованных версий, оценка полученной информации – необходимые этапы в установлении истины [7, с. 71-72].

К психологическим основам доказывания относится также внутреннее убеждение - необходимый элемент оценки доказательств, представляющий собой отношение субъекта к своим знаниям, вытекающим из них выводам и принятым на этой основе решениям.

По мнению И.С. Николаева, полная убежденность служит психологической гарантией правильности решений, принимаемых в процессе судопроизводства. Убеждение окрашено эмоционально-волевыми характеристиками как знание, формирующееся в области общественных отношений [10, с. 119].

Категория «внутреннее убеждение» по существу выражает субъективную уверенность в соответствии субъективной оценки объективно существующим обстоятельствам или фактам.

И.С. Николаев справедливо отмечает, что внутреннее убеждение выступает одной из форм отображения объективной действительности. Являясь по своему содержанию отражением объективной действительности, внутреннее убеждение, однако, не выполняет роли критерия истинности познаваемого в уголовном деле. Критерий истины в этой области, как и во всех иных областях познания, – практика [10, с. 120-121].

Представляется, что процесс формирования внутреннего убеждения состоит из следующих стадий: 1) анализ определенных обстоятельств, материалов (названному этапу предшествует чувственное познание); 2) сопоставление результатов анализа с другими материалами (здесь большое значение принадлежит прошлому опыту, уровню знаний лица в исследуемой области); 3) обобщение полученных данных.

Психологические этапы формирования внутреннего убеждения пронизывают правосознание субъекта. Анализируя и оценивая каждое обстоятельство расследуемого или рассматриваемого дела, участники процесса руководствуются комплексом своих нравственных, правовых представлений, определяющих, в конечном счете, социальную характеристику внутреннего убеждения. Именно поэтому все попытки трактовать чувство уверенности, убеждения как интуитивное, не подвергающееся никакому контролю, должны признаваться противоречащими материалистическому пониманию формирования убеждения.

Как отмечают С. Старк и Р. Брейнг, обоснованность внутреннего убеждения составляет его неотъемлемое свойство, поскольку представляет собой необходимую содержательную основу структуры мыслительных процессов при формировании внутреннего убеждения [11, с. 100].

По нашему мнению, внутреннее убеждение должно отвечать определенным требованиям: а) основываться на информации, полученной в установленном законом порядке и признанной допустимой в качестве доказательства; б) каждое доказательство должно быть рассмотрено отдельно и

в совокупности с иными доказательствами; в) исходить из всестороннего, полного и объективного рассмотрения материалов дела.

Что касается доказательственного значения СПЭ, то согласно ст. 124.2.2 УПК, заключение эксперта отнесено к видам доказательств, хотя, с нашей точки зрения, это источник доказательства.

Согласно ст. 127.3 УПК, заключение эксперта не является обязательным для дознавателя, следователя, прокурора и суда, оно, как и любое другое доказательство, должно быть проверено и оценено органом, осуществляющим уголовный процесс, в связи со всеми обстоятельствами дела. В случае несогласия с заключением эксперта должно быть вынесено мотивированное постановление об этом [12, с. 147].

Между тем, в современной зарубежной литературе, посвященной проблемам психологической экспертизы, неоднократно высказывалось мнение, что заключение эксперта-психолога может быть опровергнуто лишь другим экспертом-психологом более высокой квалификации.

Кроме того, имеются более радикальные предложения исключить заключение эксперта-психолога из числа доказательств, ограничив его значение лишь ориентирующими факторами.

Так, Брюс А. Стивенс в своей работе «Под перекрестным огнем: как выжить, давая экспертные показания в качестве психолога», указывает, что, как правило, выводы экспертов-психологов по кардинальным вопросам уголовного процесса являются субъективными, зависящими от примененных методов исследования и с равным успехом в суде будут защищены полярные точки зрения по одному и тому же вопросу. Поэтому, автор предлагает ограничить заключение экспертов лишь вспомогательным значением для оценки других доказательств, что, с его точки зрения, исключит субъективизм по судьбоносным решениям [16, с. 60-62].

Представляется, что утверждение о возможности опровержения выводов эксперта-психолога другим экспертом (специалистом) более высокой квалификации является неверным и не завершенным. Во-первых, вопрос об

уровне квалификации не может решаться на основании дипломов и сертификатов либо стажа работы. Во-вторых, уровень квалификации также не гарантирует соответствие выводов эксперта-психолога истине. В таком случае, спор об истинности выводов может длиться до бесконечности и продолжаться с появлением нового эксперта более высокой квалификации.

С нашей точки зрения, несогласие с заключением (выводами) эксперта-психолога не может быть интуитивным, а должно обосновываться конкретными фактами о его несоответствии другим доказательствам.

Действительно, несоответствие одних доказательств другим еще не дает оснований для вывода о правильности каких-либо из них, однако, с нашей точки зрения, является основанием для дальнейшей работы по устранению противоречий. Поэтому, постановление о несогласии с заключением эксперта-психолога в обязательном порядке должно быть обосновано фактами его противоречия другим доказательствам либо наличием ошибок в проведенных исследованиях.

Библиография

1. Беликов Г.Д. Методика расследования убийств. М., БЕК, 2006.
2. Бахтин И.С. Структура научного познания. Тверь, Арбалет, 2009.
3. Газелин И.М. Расследование убийств, совершенных из корысти. Самара, Академия, 2005.
4. Золотова А.И., Шмелев И.М. Руководство по расследованию убийств. М., Аллур, 2007.
5. Зосинцев И.Ф., Крайнов И.Г. Расследование убийств. Волгоград, Арго, 2007.
6. Комментарий к парадоксам УПК Азербайджанской Республики (Часть I). Под ред. Сулейманова Д.И. Сборник научных статей. Баку, Тефеккюр ИПЦ, 2004.

7. Коновалова В.Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве. Харьков, Консум, 2000.
8. Конституция Азербайджанской Республики. Баку, Ганун, 2009.
9. Любимов С.И. Психологическая экспертиза при расследовании преступлений. М., Стрела, 2009.
10. Николаев И.С. Расследование корыстных убийств. Тверь, Арбалет, 2007.
11. Старк С., Брейнг Р. Убийство как повод. М., Кросс, 2006.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. По состоянию на август 2014 г., Ганун, Баку, 2014 (на азерб. яз.).
13. Щербин И.С. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. СПб., Беркут, 2010.
14. Эфрон А. Психология и право. М., Стрела, 2010.
15. Яшин И.С. Использование специальных знаний при расследовании убийств. Екатеринбург, Старт, 2010.
16. Bruce A Stevens. Crossfire: how to survive giving expert evidence as a psychologist. Bowen Hills, Qld.: Australian Academic Press, 2008.